

УДК 343

**ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

© 2017 г.

П.Г. Марфицин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

pavel@marfitsin.ru

Поступила в редакцию 15.06.2016

Предпринята попытка привлечь внимание к некоторым проблемам обеспечения прав личности при назначении судебного штрафа как меры уголовно-правового характера. Автором обращено внимание на усиливающуюся конкуренцию оснований прекращения уголовного преследования, погрешности законодателя в использовании юридической терминологии, углубление дисбаланса в правовом статусе потерпевшего и обвиняемого.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, конкуренция оснований, потерпевший, обвиняемый, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние, судебный штраф.

Анализ правоприменения показывает, что буксует внедрение в практику очередной новеллы законодателя – освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Причин этому несколько. Причем наиболее общие из них стали уже достаточно повторяемыми. О них писали и говорили относительно ранее использованных нововведений, будь то досудебное соглашение о сотрудничестве, или прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, или сокращенная форма дознания, или нечто подобное. Остановимся на них и мы. При этом особо обратим внимание на отдельные вопросы, которые не позволяют в связи с наличием этих обстоятельств, в том числе из-за недостаточности, непоследовательности изложения, нелогичности нормативного материала, государственным органам, а также иным лицам (участникам судопроизводства, их представителям, общественности и др.) обеспечить надлежащую защиту прав и законных интересов субъектов уголовного процесса.

Первое, на что обратим внимание, – это приложение усилий законодателя к обострению так называемой конкуренции оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). То что это явление содержит больше негативных черт, нежели позитивных, неоднократно отмечалось в юридической литературе [1]. Речь идет прежде всего об основаниях освобождения от уголовной ответственности (а соответственно, основаниях прекращения уголовного дела или уголовного преследования), предусмотренных ст. 75, 76 и теперь 76² УК РФ (ст. 25, 25¹, 28 УПК РФ)¹. Слишком уж схожи условия при-

менения обозначенных оснований. Во всех из указанных выше норм мы видим, что они могут быть применены в отношении лица (а в уголовно-процессуальном законодательстве конкретизируется, что такое лицо должно занимать статус подозреваемого или обвиняемого), совершившего преступление впервые, причем деяние должно относиться к категории небольшой или средней тяжести. Обязательным условием является возмещение причиненного ущерба или заглаживание вреда иным образом. Решения принимаются по инициативе суда, следователя или дознавателя. Хотя позиция двух последних субъектов нуждается в согласовании, соответственно с руководителем следственного органа или прокурором.

Отличие состоит в том, что в одних случаях для прекращения уголовного преследования необходимо примирение с потерпевшим (и, соответственно, заявление последнего об этом), в других – элементы деятельного раскаяния (которые весьма неконкретно обозначены законодателем и восприняты практикой), в третьих – назначение судебного штрафа как меры уголовно-правового характера. При этом выбор решения, которое будет принято судьей, следователем или дознавателем, в значительной мере основано на их усмотрении. Например, при наличии условий, которые для этих целей являются общими, но отсутствии желания потерпевшего осуществить примирение, в качестве обоснования принимаемого решения можно использовать деятельное раскаяние. Если проявления последнего сомнительны – попытаться использовать возможность применения судебного штрафа. И потерпевший при этом (подробнее

об этом мы скажем позже) не в состоянии будет отстаивать свои интересы. Можно по-разному решить судьбу дела и в отношении обвиняемого. В одних случаях применить положения ст. 75 УК РФ и ст. 28 УПК РФ, которые не влекут последствий материального характера, в других – использовать назначение судебного штрафа, который может быть значительным.

Согласимся с утверждением, что подобные обстоятельства могут не только создавать условия для совершения ошибок и нарушений в рассматриваемой нами сфере, но и расцениваться как коррупционные факторы, имеющие место в уголовном судопроизводстве [2]. И с этим надо что-то делать. Например, подумать над тем, какие границы усмотрения правоприменителя установить для данных ситуаций.

С рассмотренным выше вопросом тесно связан иной – о характере (с точки зрения возможности выбора) нормативных предписаний, содержащихся в указанных нормах. Уяснение установлений материального права показывает, что они по этому поводу содержат предписания диспозитивного характера. В статьях 75, 76, 76² УК РФ использовано одно и то же словосочетание: «лицо... может быть освобождено...». И это представляется абсолютно правильным, поскольку наличие значительного числа условий, необходимых для принятия такого решения, степень их доказанности (установления), иные обстоятельства не позволяют применить здесь императивные предписания.

Подобный подход использован законодателем и в ст. 25, 28 УПК РФ. Здесь использована следующая словесная конструкция: «Суд, а также следователь с согласия... вправе... прекратить...». Сложности с определением характера таких предписаний не возникает.

Иначе дело обстоит с уяснением предписаний, касающихся использования судебного штрафа. В статье 25¹ УПК РФ содержится слово «вправе». Но первое предложение первой части этой статьи построено иначе, чем рассмотренные выше. В нем использована следующая схема: «Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия... вправе прекратить...». Таким образом, слово «вправе» относится к первому из указанных здесь участников судопроизводства, а не к следователю и иным должностным лицам, формирующим ходатайство к суду. Из текста ст. 25¹ УПК РФ не ясно, имеют ли следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, прокурор право обратиться с таким ходатайством или же это их обязанность.

Текст других статей уголовно-процессуального закона не только не проясняет ситуа-

цию, но еще больше запутывает ее. Приведем содержание этих предписаний. Часть 1 ст. 446² УПК РФ: «Уголовное дело или уголовное преследование по основаниям, указанным в статье 25.1 настоящего Кодекса, прекращается судом с назначением лицу, освобождаемому от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа...». Из текста исчезло слово «вправе», которое было обращено к суду, и появилось «прекращается», которое можно рассматривать и как право и как обязанность, адресованную субъекту. С учетом изложенного выше, мы можем утверждать, что речь здесь все-таки идет о праве суда, а не его обязанности.

Однако читаем далее. Часть 2 ст. 446² УПК РФ: «Если в ходе предварительного расследования будет установлено, что имеются предусмотренные статьей 25.1 настоящего Кодекса основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд». Каков характер этого предписания – императивный или диспозитивный? Однозначно ответить на этот вопрос не просто. Схема «если будет установлено... следователь выносит постановление...» не позволяет это сделать категорично. С одной стороны, если законодатель хотел представить это предписание диспозитивным, то он мог бы использовать схему, примененную в ст. 25 и 28 УПК РФ, употребив слово «вправе». Но этого не произошло. С другой стороны, считать такое предписание императивным не позволяет состояние практики. Это подтверждают и правоприменители. Проведенный нами опрос следователей и дознавателей показал, что 96.4% респондентов считают рассматриваемые положения закона предоставляющими право, а не устанавливающими обязанность. Сложно говорить в данном случае об императивности предписаний при наличии у подозреваемого или обвиняемого права возражать против прекращения уголовного преследования по указанному основанию (ч. 2 ст. 27 УПК РФ).

Нам представляется, что такой подход верен. Но как быть с законоустановлениями? Приведем еще одну выдержку из текста УПК РФ: «Если в ходе судебного производства по уголовному делу

будут установлены основания, предусмотренные статьей 25.1 настоящего Кодекса, суд одновременно с прекращением уголовного дела или уголовного преследования разрешает вопрос о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» (ч. 1 ст. 446³ УПК РФ). Опять «суд... назначает...». Хотя, как мы выяснили ранее, он имеет на это право. А значит, слово «назначает» содержит именно такой смысл.

Может быть, мы зря обозначаем этот вопрос? И в статье 446² УПК РФ не стоит искать какого-то глубокого смысла или умысла законодателя, смутившего нас? Не исключено, что это проявление небрежности в ходе законодательства или элементарное пренебрежение правилами пользования юридической терминологией? Все может быть. Но хотелось бы иметь закон без таких оборотов, а с четким, ясным, последовательным содержанием.

И это не единственный пример подобного рода. Так, в ч. 4 ст. 446² УПК РФ указано, что ходатайство о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) рассматривается единолично судьей, к подсудности которого относится рассмотрение соответствующей категории уголовных дел, с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора. Заявление многообещающее. Ознакомившись с ним, не искушенный в юриспруденции человек, пострадавший от преступления и не жаждущий прекращения уголовного дела по указанному основанию, может уверовать, что уж без него-то данный вопрос решен не будет, а, находясь в суде, он предоставит аргументы, не позволяющие освободить обвиняемого от уголовной ответственности даже с применением судебного штрафа. Чтобы такого заблуждения не образовалось, необходимо ознакомиться со следующим предложением, содержащимся в этой норме. А оно гласит: «Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования». Что значит «неявка без уважительных причин» и как ее организовать, знает практически каждый правоприменитель. Хотя даже участие в судебном заседании потерпевшего не обязывает суд выслушать его мнение и аргументы. По крайней мере, в законе об этом не упоминается. Таким образом, шансов у этого участника судопроизводства на то, что его желание сбудется, не так уж много.

Необходимо иметь в виду, что вопрос о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа может возникнуть непосредственно в ходе судебного производства по уголовному делу. А там законом не предусмотрено, в частности, обязательное участие потерпевшего, его представителя (ст. 446³ УПК РФ).

Поэтому с утверждением об обязательном участии потерпевшего надо было поступить аккуратнее, например как это сделано в ч. 4 ст. 108 УПК РФ посредством использования фразы «В судебном заседании вправе также участвовать...».

Ситуация с участием потерпевшего в разрешении указанных ситуаций усугубляется еще и тем, что по воле законодателя его мнение по этому вопросу вообще никого не интересует. Кстати, в этой сфере наблюдается достаточно интересная тенденция, которую мы посчитали необходимым обозначить.

В связи с принятием УПК РФ обозначилась проблема, связанная с полным или частичным отказом прокурора от поддержания в суде обвинения и игнорированием при этом позиции потерпевшего (ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ). Это вызвало дискуссию среди ученых и практических работников. И те [3], и другие [4]² предложили пути разрешения настоящей проблемы. Однако законодатель к таким пожеланиям остается индифферентным. На сегодняшний день, исходя из буквы закона, прокурор может отказаться (полностью или частично) от обвинения в суде и свои действия при этом он не обязан согласовывать с потерпевшим.

Наряду с этим, в правоприменении успешно используются положения главы 40 УПК РФ, в соответствии с которой осуществляется особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В этой процедуре при принятии итогового решения мнение потерпевшего является решающим. Без его согласия, которое суд должен воспринять непосредственно, невозможно применить указанный особый порядок (ч. 4 ст. 314 УПК РФ).

Несколько позже (июнь 2009 г.) в УПК РФ была введена глава 40¹, поименованная «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Нормы, содержащиеся в ней, прямо не указывают на необходимость получения согласия потерпевшего на применение соответствующей процедуры. Это опять вызвало разночтения закона, которые на практике используются не в пользу потерпевшего. Проблемная ситуация продолжает иметь место, а законодатель не спешит ее устранять.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. текст УПК РФ дополнен главой 32¹ «Дознание в

сокращенной форме». Здесь законодатель четко обозначил, что если потерпевший возражает против производства дознания в указанной форме, то это является обстоятельством, исключающим осуществление расследования в предусмотренном главой 32¹ УПК РФ порядке. Причем свое волеизъявление потерпевший может выразить на любом этапе производства по уголовному делу (как в досудебной, так и судебной его части).

Наконец, введя институт назначения судебного штрафа, законодатель вновь отказался придавать волеизъявлению потерпевшего решающее значение.

Изложенное выше позволяет утверждать, что у законодателя отсутствует четкая, единая концепция восприятия позиции потерпевшего в вопросах осуществления уголовного преследования. Это явно не способствует полному и, что важно, единообразному обеспечению прав личности в уголовном судопроизводстве.

Тем не менее отдельные положения, касающиеся статуса потерпевшего в процедуре назначения судебного штрафа, имеются. В соответствии с ч. 3 ст. 446² УПК РФ ему направляется копия постановления следователя или дознавателя о возбуждении перед судом ходатайства для использования рассматриваемой меры принуждения. Часть 4 указанной статьи, как отмечалось выше, говорит о том, что потерпевший может участвовать в судебном заседании при решении указанного вопроса. Потерпевший вправе также рассчитывать на получение копии судебного решения по рассматриваемому вопросу (ч. 8 ст. 446² УПК РФ). Как видим – не густо.

Статус подозреваемого или обвиняемого в связи с введенной процедурой скорректирован более детально. Этот участник обладает возможностью блокировать применение в отношении себя рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Для этих целей в законе предусмотрено, в том числе, его реальное (а не мнимое, как в отношении потерпевшего) право участвовать в судебном заседании, где будет рассматриваться соответствующий вопрос. Без его участия такое судебное заседание не состоится в любом случае (ч. 4 ст. 446² УПК РФ). Он, так же как и потерпевший, вправе получить копию постановления следователя или дознавателя о возбуждении перед судом ходатайства для использования рассматриваемой меры принуждения

(ч. 3 ст. 446² УПК РФ). Такому лицу должны быть разъяснены все правовые последствия, вытекающие из данного решения. Ему вручается копия судебного решения (ч. 8 ст. 446² УПК РФ). Имеются и иные права, носящие более частный характер, которые в своей совокупности с перечисленными выше позволяют обеспечивать защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого.

Это можно оценить позитивно. Но с другой стороны, такими предписаниями законодатель усилил дисбаланс в правовом статусе потерпевшего и обвиняемого, и явно не в пользу первого. А это вызывает беспокойство.

Завершая рассмотрение вопроса, отметим, что это всего лишь попытка привлечь внимание читателей к некоторым проблемам обеспечения прав личности при назначении судебного штрафа как меры уголовно-правового характера.

Примечания

1. Хотя если этот вопрос рассматривать несколько шире, то в данный перечень можно включить и ст. 76¹, 90 УК РФ.

2. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П// Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026. С. 12398–12416; Приказ Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Опубликован не был.

Список литературы

1. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 128–136.

2. Афанасьев А.В. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 8–9.

3. Кириллова Н.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 23.

4. Лаврешин Ю.И. Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 8.

**FOUNDATIONS AND PROCEDURES FOR APPLICATION OF JUDICIAL PENALTY
IN THE RUSSIAN CRIMINAL JUDICIAL PROCEDURE:
HUMAN RIGHTS AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS**

P.G. Marfitsin

In this article, we examine some problems of ensuring individual rights when inflicting a judicial penalty as a criminal-law measure. The author draws attention to the growing competition between the grounds for termination of criminal prosecution, the legislator's errors in the use of legal terminology, the growing imbalance in the legal status of the victim and the accused.

Keywords: criminal proceedings, dismissal of a criminal case, termination of criminal prosecution, competition between the grounds, victim, accused, conciliation with victim, active repentance, judicial penalty.

References

1. Volynskaya O.V. Prekrashchenie ugolovnogo dela i ugolovnogo presledovaniya: teoreticheskie i organizacionno-pravovye problemy: Monografiya. M.: YuNI-TI-DANA: Zakon i pravo, 2007. S. 128–136.
2. Afanas'ev A.V. Korrupcionnye riski dokazatel'stvennogo prava v ugolovnom processe (dosudebnoe proizvodstvo): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2016. S. 8–9.
3. Kirillova N.A. Otkaz gosudarstvennogo obvinitya ot obvineniya: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2007. S. 23.
4. Lavreshin Yu.I. Processual'nye garantii realizacii prava poterpevshego na uchastie v ugolovnom presledovanii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2009. S. 8.